

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (4)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленцова О.В., Ситдииков А.Г. К юбилею археолога
(Ю.А. Зеленева – 60 лет) 6

Статьи

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита
лесной полосы Среднего Поволжья 11

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника 18

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Полевые исследования 40

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Кабинетно-аналитические исследования 64

Яблонский Л.Т. Раннесарматский рыцарь 104

*Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В.,
Удальцов С.Н., Каширская Н.Н.* Подкурганые палеопочвы
нижневолжских степей как индикаторы динамики климата
за историческое время 126

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы
мордовских могильников III–VII вв. 143

Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых
могильниках Ветлужско-Вятского междуречья 151

Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. 162

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной
стратификации в погребальной обрядности кочевников
степного Предкавказья золотоордынского времени:
продолжение дискуссии 171

Иванов В.А. Проблема формирования «имперской культуры»
Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора
для народов Урало-Поволжья 179

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды
(по данным археологии) 189

Публикации

<i>Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г.</i> Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006–2009 гг.	212
<i>Полубояринова М.Д.</i> Торговый инвентарь с Болгарского городища	252
<i>Кубанкин Д.А., Сергеева О.В.</i> Клад с Увекского городища (случайная находка 1994 года)	259
<i>Федулов М.И., Волков А.В.</i> Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.)	272
<i>Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С.</i> Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения	279
<i>Воробьева Е.Е., Иванова Ю.Н.</i> Нательные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации)	291
<i>Шигапов М.Б.</i> Исследования городища Кашан I в 2012 году	299
Список сокращений	307
Правила для авторов	309

CONTENTS

Zelentsova O.V., Sitdikov A.G. On the anniversary of archaeologist
(Yu.A. Zeleneev is 60 years old)6

Articles

Nikitin V.V. Some problems of early neolithic
of forest belts of the Middle Volga 11

Solov'ev B.S. Cultural components of the Ust-Vetluzhsky burial 18

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron ages in Volga-Kama area. Field studies 40

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron Ages in Volga-Kama area. Office analytical studies 64

Yablonsky L.T. Early Sarmatian knight 104

Demkin V.A., *Demkina T.S.*, *Khomutova T.E.*, *Yeltsov M.V.*,
Udaltsov S.N., *Kashirskaya N.N.* Underkurgan paleosoils
of the Lower Volga steppes as indicators of climate dynamics
during historical time 126

Stavitsky V.V. The funeral rite of teshskaya group
of Mordovian burials in III–VII centuries 143

Nikitina T.B. Waist pouches/bags from medieval burial places
of the Vetluga-Vyatka interfluvial area 151

Vikhlyayev V.I. Settling of the mordovians
in the IIIrd – the early XIIIth centuries 162

Chkhaidze V.N., *Druzhinina I.A.* Reflection of social stratification
in funeral ceremonialism of nomads of steppe Ciscaucasia
in the Golden Horde time: discussion continuation 171

Ivanov V.A. The problem of formation of the Golden Horde's
«imperial culture» and its role as an area-forming factor
for peoples of the Ural-Volga region 179

Rudenko K.A. Nomads in Bulgar Ulus of the Golden Horde
(according to archeology) 189

Publications

<i>Valiev R.R., Pigarev E.M., Mukhamadiev A.G., Sitdikov A.G.</i> Archaeological research of the «Bolnichny bugor» of the Selitrennoe settlement in 2006–2009	212
<i>Poluboyarinova M.D.</i> Trading stock from the Bolgar settlement	252
<i>Kubankin D.A., Sergeeva O.V.</i> A hoard from the Uvek settlement (accidental find in 1994)	259
<i>Fedulov M.I., Volkov A.V.</i> Subject collection of burial ground «Kukshylidy» in the funds of the Chuvash national museum (on materials of excavations by P.P. Efimenko in 1926)	272
<i>Vorob'eva E.E., Kalygina Zh.S.</i> The funeral ware of the Tikhvinsky necropolis of the Tsarevokokshaisk: preliminary results of the study	279
<i>Vorob'eva E.E., Ivanova Yu.N.</i> Body's crosses of Tsarevokokshaisk necropolises (to the question of systematization)	291
<i>Shigapov M.B.</i> Investigations on the settlement Kashan I in 2012	299
List of abbreviations	307
Rules for authors	309

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТЕШСКОЙ ГРУППЫ МОРДОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ III–VII вв.

© 2013 г. В.В. Ставицкий

В статье дается характеристика погребального обряда северной группы мордовских памятников, расположенных в бассейне р. Теша. Изменение погребальных традиций проанализировано по трем периодам: III–IV вв., V в. и VI–VII вв. Для данной группы населения традиционными являются одиночные труположения в грунтовых могилах, с ориентировкой преимущественно на север с отклонениями. Во второй половине IV в. в бассейн р. Теша происходит приток населения со Средней или Верхней Оки, что приводит к распространению трупосождений и различных ритуальных действий, связанных с огнем. Во второй половине V в. эти традиции постепенно исчезают. К VI в. рядовая планировка погребений на Абрамовском могильнике сменяется групповой, что свидетельствует о социальных изменениях в жизни мордвы этого времени.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раннее средневековье, древнемордовское население, Абрамовский могильник, погребальный обряд, инвентарь, труположения и трупосожжения.

Основным источником для реконструкции погребального обряда тешской группы памятников III–VII вв. являются материалы Абрамовского могильника (272 захоронения), кроме того могут быть привлечены также данные по отдельным погребениям могильников: Стексово 2, Погиблово, Кужендеево, Красное 3 и Заречное 2.

Грунтовые могильники данной группы, как правило, расположены на высоких местах: первых надпойменных террасах, пологих склонах, коренном берегу, останце в пойме р. Теша и ее притоков обычно на высоте 10–25 м над водой. В настоящее время погребения не имеют на поверхности никаких внешних признаков, но в период функционирования могильников они, по-видимому, имели какие-то отметки на поверхности. Это могли быть своеобразные памятные столбы у могил или оградки из столбов. Следы столбовых ям, которые можно отнести, к такого рода надмогильным сооружениям, обнаружены, например, у трех

погребений Абрамовского могильника (Охотина, 2008, с. 48).

Погребения совершались, как правило, в могильных ямах подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами. Какие-то дополнительные конструктивные особенности, связанные с сооружением могильной ямы, фиксируются очень редко. Размеры могильных ям варьировались в зависимости от пола и возраста погребенного. В целом для памятников данной группы характерны могильные ямы, заметно превышающие рост умершего. При этом наиболее крупные ямы длиной от 275 до 320 см характерны для IV и особенно V в., причем в ряде случаев их размеры, зафиксированные на уровне дневной поверхности, были еще больше. Погребения VI–VII вв. обычно имеют отвесные стенки и их размеры на уровне дневной поверхности и у дна сильно не отличаются. В целом в III–IV вв. преобладают погребения длиной от 230 до 260 см, к концу V в. максимум размера взрослых захоронений приходится

на 230–270 см, в VI в. – на 220–240 см. В VII в. в могилах более крупных размеров (240–270 см), обычно хоронили умерших, снабженных богатым инвентарем.

Во второй половине VI в. и особенно в начале VII в. происходит заметное увеличение количества детских погребений размерами от 90 до 130 см, которые в IV в. были единичны. При этом практически выходят из употребления погребения длиной от 130 до 170 см, известные по материалам IV – первой половины V вв., что видимо, объясняется тенденцией общего уменьшения длины погребений, которая коснулась не только взрослых, но и детских захоронений. Теперь на могильниках тешской группы отсутствуют погребения, которые по их размерам можно было бы отнести к категории переходных: от детских к взрослым, что, возможно, свидетельствует о более строгой возрастной дифференциации, произошедшей в обществе к VII в.

К сожалению, в большинстве случаев из-за многолетней распашки верхнего слоя почвы на могильниках не фиксируется дневной уровень совершения погребений, что затрудняет установление их реальной глубины, которая варьируется в очень широких пределах от 0,4 до 2,4 м. В целом преобладают погребения глубиной от 1 до 1,5 м, но для первой половины IV в. также характерны погребения мельче 1 м, доля которых на Абрамовском могильнике составляет около 25%. В V в. их глубина заметно возрастает и около четверти всех погребений теперь становятся глубже 1,5 м. Меньшую глубину ям на могильниках, как правило, имели детские погребения. Сравнительно неглубоко хоронили

покойников на Старшем Кужендеевском могильнике конца VI – VII вв., средняя глубина могил здесь составляет всего 0,6–0,7 м (Жиганов, 1959, с. 60). По всей видимости, заметное влияние на глубину совершения захоронений оказывали локальные традиции, которые достаточно сильно отличались.

Наиболее ранние погребения тешской группы имеют неустойчивую ориентировку, которая различается на разных памятниках. Так, погребения могильника Стексово 2, относящиеся к III в., ориентированы головой на ЗСЗ (Мартьянов, 2001, с. 143, табл. 76). Самые ранние погребения Абрамовского могильника, относящиеся к концу III – началу IV вв., ориентированы на ССВ, но уже в первой половине IV в. для большинства погребений здесь становится характерной ориентировка на север, иногда с небольшим отклонением к западу, которая сохраняется до конца V в. В конце V – начале IV вв. получают распространение погребения, ориентированные головой на ССЗ, которые к концу VI в. становятся преобладающими. Подобную ориентировку имеют и большинство погребений VII в. Старшего Кужендеевского могильника (Жиганов, 1959, с. 60–61). На Погибловском могильнике погребения VI–VII вв. имеют неустойчивую ориентировку, но все же преобладают захоронения, ориентированные головой на север (АКР. Нижегородская обл., 2004, с. 96). Иная форма ориентации могильной ямы встречается редко. Следует отметить, что пять погребений Абрамовского могильника первой половины V в. были ориентированы головой на юг, и 5 погребений второй половины V – первой половины VI вв. – на юго-

восток. Ориентировка погребенных, направленных головой или ногами в сторону солнца, могла меняться в зависимости от времени совершения захоронений (Святкин, Чадин, 2003, с. 334–335). Поэтому отклонения от преобладающей ориентировки, вероятно, объясняются локальными традициями совершения погребений в то или иное время суток.

Погребения IV–V вв. располагаются на могильниках в виде параллельных рядов, причем расстояние между последовательно совершенными погребениями обычно не превышает 1–1,5 м. Более разреженным расположение могил становится к концу V в., когда появляются ряды с далеко отстоящими друг от друга могилами или группами могил. На планиграфическом участке Абрамовского могильника, относящегося к VI в., погребения, скомпонованные в отдельные группы, уже практически не образуют рядов. Видимо, теперь каждая из таких групп представляет собой семейный участок, где рядом с погребением взрослых расположены захоронения детей. Похожая планировка зафиксирована В.Н. Шитовым и Ю.А. Зеленевым на Кадомском рязано-окском могильнике VI–VII вв. (Зеленев, Шитов, 1979, с. 134). Однако для Старшего Кужендеевского могильника VII в. подобная планиграфия не характерна, погребения располагаются здесь, как и в более раннее время, разреженными рядами (Жиганов, 1959, с. 61, табл. 22).

Подавляющее большинство погребений тешской группы памятников совершены по обряду трупоположения, но во второй половине IV – начале V вв. в погребальном обряде Абрамовского могильника заметную роль начинают играть ритуальные дей-

ствия, связанные с использованием огня. Примерно пятая часть погребений планиграфического участка, относящегося к этому времени, совершена по обряду трупосожжения, еще чаще в погребениях присутствуют угли и следы иных ритуальных действий, так или иначе связанные с огнем. Некоторые погребенные засыпаны углем полностью или частично. В одном из захоронений (погр. 53) костер был зажжен после того, как погребение было засыпано на 25–30 см. По наблюдениям О.В. Букиной, все наиболее ранние трупосожжения тешской группы являются женскими (Букина, 1998, с. 19), что подтверждается и планиграфическим расположением могильных рядов с трупосожжениями на площади Абрамовского могильника.

Все трупосожжения были совершены на стороне, вне могилы. После этого остатки сожжения собирались отдельно от угля и золы или вместе с ними и складывались в могильную яму. Вещи в большинстве случаев были положены в порядке ношения, что свидетельствует о появлении обряда трупосожжения в среде, для которой был характерен обряд трупоположения. В отдельных случаях вещи располагались бессистемно. В одном погребении зафиксирован обряд частичного трупосожжения: обожженные кости находились здесь вместе с костями, не подвергшимися воздействию огня. Еще одно погребение являлось смешанным. В нем близ черепа женского трупоположения лежала кучка кальцинированных костей.

Появление традиций трупосожжения, видимо, связано с притоком нового населения с территории Верхнего, либо Среднего Поочья, которые оказались затронуты походами Германа-

риха в земли ряда северных народов, известные нам по сообщениям готского историка Иордана. В частности, на территории Окско-Донского водораздела исследователями выделяется горизонт погибших от пожаров селищ и городищ, датировка которого приходится на середину IV в. (Воронцов, 2008, с. 11). Именно с этого времени обряд сожжения умерших получает распространение среди населения рязано-окских могильников (Букина, 1997, с. 283), откуда он, вероятно, попадает и на р. Тешу.

Во второй половине V в. эти традиции в тешской группе памятников постепенно сходят на нет. С этого времени с использованием огня совершены только единичные погребения, в подавляющем большинстве случаев принадлежащие мужчинам. Мужские трупосожжения (80%) в это время резко преобладают над женскими и среди погребений с сожжениями Серповского могильника, расположенного на р. Цне (Алихова, 1959, с. 14).

Следует отметить, что иная динамика распространения ритуальных действий, связанных с культом огня, имеет место в присурской группе могильников. Так, например, угли в засыпке погребений Армиевского могильника получают широкое распространение только со второй половины V в., а до этого времени встречаются редко (Зеленева, 1987, с. 94).

В погребениях Абрамовского могильника с трупоположением, в тех случаях, когда поза погребенных точно установлена, костяки лежали вытянуто на спине, голова на затылке лицом вверх. У некоторых погребенных череп лежал на правом виске или был слегка повернут вправо. Руки обычно согнуты в локтях и положе-

ны кистями на верхнюю часть груди (чаще), либо одна рука слегка согнута в локте и положена кистью в области таза; вторая – в верхней части груди (реже), в трех погребениях руки были положены ладонями на живот (Охотина, 2008, с. 50). Необычный обряд зафиксирован в Абрамовском захоронении первой половины IV в., в котором кости рук и ног лежали на позвонках и ребрах, следовательно, при погребении костяк был сложен пополам, ноги были согнуты (вместе с тазом) и прижаты к животу. При этом никаких повреждений костей в захоронении не прослежено.

Кроме индивидуальных погребений изредка встречаются парные (около 3%), в которых в одной могильной яме находились два одновременных захоронения, обычно взрослого и ребенка. В Абрамовском могильнике в парных захоронениях оба покойника погребены по обряду трупоположения, основные погребения – мужские, дополнительные – детские. Костяки обычно ориентированы головой в противоположные стороны, либо детское погребение находится в ногах. Единичным является мужское погребение Абрамовского могильника с человеческим черепом, лежащим в ногах.

В ряде погребений на костях и под ними прослежены следы луба. Покойника клали на лубяную подстилку и сверху также прикрывали лубом. Иногда дно могилы обкладывали деревянными плахами.

Погребенные, как правило, сопровождались различным инвентарем. В женских погребениях фиксируются металлические детали одежды, украшения, глиняные сосуды, реже орудия труда и в единичных случаях оружие.

Сосуды располагались в головах, обычно по одному экземпляру. По мнению Т.Н. Охотиной, поставленная в захоронения посуда предназначалась для заупокойной пищи (Охотина, 2008, с. 51), однако отсутствие керамики в мужских и детских погребениях, вероятно, свидетельствует о том, что посуда в женские погребения ставилась, прежде всего, в качестве производственного инвентаря. Данная особенность отличает тешскую группу памятников от рязано-окских могильников, где сосуды присутствуют только в женских погребениях раннего этапа, а позднее встречаются только в мужских захоронениях и располагаются, как правило, в ногах (Румянцева, 2007, с. 246). У присурской мордвы в этот период сосуды ставили как в мужские, так в женские погребения, обычно у головы, редко у ног (Вихляев, 1977, с. 55, 57).

Практически в каждом женском погребении фиксируются детали головного убора, в который обязательно входили височные подвески, а также детали наконечника, редко – налобный венчик (только в погребениях IV в.). К украшениям шеи относятся ожерелья из бус и гривны, к нагрудным украшениям – пластинчатые бляхи. Практически в каждом инвентарном погребении, как в женском, так и мужском, присутствуют сюльгамы. Со второй половины IV в. по первую половину V в. примерно в 20% женских и мужских погребений (практически поровну) встречаются удила, которые почти всегда клали в ногах умершего. На более поздних стадиях их находки становятся единичными. Похожая тенденция зафиксирована Ю.А. Красновым для погребений Безводнинского могильника, где на

рубеже VI–VII вв. удила выходят из погребального инвентаря женских захоронений, но сохраняются в мужских (Краснов, 1980, с. 130).

В одном из погребений (Абрамово п. 243) прослежен обычай положения посмертного «дара» – вправо от уровня коленных костей располагался железный топор и множество бутылчатых бронзовых привесок в берестяной сумочке, выложенной внутри тонкой шерстяной тканью и обрамленной по краям кожаным ремешком. И.В. Белоцерковская считает, что женские украшения в мужском комплексе следует рассматривать как посмертные «дары», свидетельствующие об особом социальном статусе погребенных (Белоцерковская, 1997, с. 27). Женские украшения, положенные в мужские захоронения, известны в Гавердовском, Шатрищенском и Иваньковском могильниках (Ефименко, 1975, с. 30; Кравченко, 1974, с. 166, 170).

Расположение предметов в погребении подчиняется закономерностям, продиктованными определенными бытовыми и, возможно, обрядовыми традициями. Большинство украшений в женских погребениях лежало в порядке их ношения: венчики на голове, височные украшения и наконечники у висков; гривны и ожерелья в области шеи; нагрудные бляхи в нижней части груди; браслеты и перстни на руках; сюльгамы в области груди и в области пояса. Из производственного инвентаря в женских комплексах встречались ножи, пряслица, шилья. Ножи обычно зафиксированы там, где их, вероятно, носили при жизни, в области пояса. Пряслица не имели определенного местоположения – они найдены в изголовье, у локтя, чуть ниже пояса (Охотина, 2008, с. 52). В

могильнике VII в. у с. Кужендеево в двух женских погребениях были зафиксированы серпы, в одном из которых (погр. 6) были найдены еще и две формочки для отливки бисера (Жиганов, 1959, с. 68–69).

В мужских захоронениях одной из самых распространенных категорий находок являются поясные наборы и предметы обихода, укрепляемые на поясе: ножи, кресала, кремни и т.д. Практически во всех захоронениях встречаются поясные пряжки, иногда даже более одной. Нередко в мужских захоронениях встречаются и украшения: гривны, браслеты, застежки и т.д. В одном из ранних погребений Абрамовского могильника зафиксирован набор плотницкого инструмента.

В каждом мужском погребении имелись те или иные предметы вооружения. В пяти мужских погребениях Абрамовского могильника найдены мечи, которые обычно располагались слева в области бедер. Вероятно, клинки подвешивались к поясу на специальных ремнях, которые не сохранились. Так в погребении 179 слева, на уровне пояса, вдоль остатков костяка лежал короткий (длиной 54 см) меч с небольшим черешком. От ножен сохранились следы дерева на полотне меча. Рукоять меча находилась как раз рядом с поясом, от которого сохранилась железная пряжка и небольшие округлые бронзовые бляшки и накладки. В погребении 83 меч находился в голове справа, в погребении 155 в центре могилы, рукоятью к голове. Наконечники копий обычно клали справа в головы. Почти во всех мужских комплексах обнаружены топоры. В их расположении определенной за-

кономерности не прослежено. Они найдены в изголовье, справа у головы, в ногах и т.д.

Примерно третья часть погребений Абрамовского могильника не содержала следов захоронения. По форме, размерам и характеру засыпки они не отличаются от могил с погребениями взрослых, совершенных по различным обрядам захоронения. В большинстве случаев в этих могилах не было найдено никаких вещей, или их оказалось мало. Многие из этих могил, особенно те из них, которые имеют небольшие размеры, в дневниковых записях относятся предположительно к детским погребениям, а отсутствие следов костяка объясняется его несохранностью. Часть подобных могил, возможно, относится к категории кенотафов, однако плохая сохранность костяков в большинстве погребений могильника оставляет данный вопрос открытым.

На ряде могильников тешской группы встречаются захоронения животных. В ранней части Абрамовского могильника, относящегося к первой половине IV в. было зафиксировано погребение коня. Конское погребение выявлено в Погибловском могильнике, но его датировка не ясна (АКР. Нижегородская обл., 2004, с. 95). В Старшем Кужендеевском могильнике VII в. зафиксировано захоронение коровы (Жиганов, 1959, с. 60). Подобные захоронения, по мнению ряда исследователей, являлись жертвенным приношением, которое совершалось всеми членами рода при закладке кладбища и предназначалось всем умершим родственникам (Жиганов, 1976, с. 39).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I и начала II тыс. н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск, 1959. – С. 13–54.
2. Археологическая карта России (АКР): Нижегородская область. Часть 1. – М., 2004. – 384 с.
3. Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино // Погребальный обряд: Археологический сборник. (Тр. ГИМ. Вып. 93). – М., 1997. – С. 20–28.
4. Букина О.В. Датировка погребений с трупосожжениями в рязано-окских могильниках // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). – Самара, 1997. – С. 12–15.
5. Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья: Учебное пособие. – Саранск, 1977. – 98 с.
6. Вихляев В.И. Этнокультурные процессы в Окско-Сурско-Цнинском междуречье в I–VII вв. // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Все-союз. науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000. С. 48–50.
7. Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 17 с.
8. Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. 48. – Саранск, 1975.
9. Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II. Саранск, 1959. – С. 55–88.
10. Жиганов М.Ф. Память веков: Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. – Саранск, 1976. – 112 с.
11. Жиганов М.Ф. Старший Кужендеевский могильник // СА. – 1959. – № 1. – С. 218–227.
12. Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. – Саранск, 1979. – С. 134–140.
13. Зеленеев Ю.А. Элементы погребального обряда мордвы VI–XI вв. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 90–116.
14. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. – М., 1974.
15. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. – М., 1980. – 224 с.
16. Мартыанов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия н.э. – Арзамас, 2001. – 322 с.
17. Охотина Т.Н. Погребения с трупоположениями в Абрамовском могильнике // Пензенский археологический сборник. – Пенза, 2008. С. 48–55.
18. Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М., 2007. – С. 246–275.
19. Святкин С.В., Чадин Р.М. К вопросу о различиях в погребальной обрядности древней мордвы // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 330–339.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, профессор, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczku.v@yandex.ru

**THE FUNERAL RITE OF TESHKAYA GROUP
OF MORDOVIAN BURIALS IN III–VII CENTURIES****V.V. Stavitsky**

The burial rite typical of the northern group of the Mordovian sites located in the Tyosha river basin is characterized in the article. The changes in burial traditions are analyzed in the framework of three periods: the 3rd–4th, the 5th, and the 6th–7th centuries. For this population group, single inhumations in ground graves, with the orientation primarily to the North with deviations were traditional. In the second half of the 4th century, an influx of people from the Middle or Upper Oka river region to the Tyosha river basin resulted in the spread of cremations and various ritual acts connected with fire. In the second half of the 5th century, these traditions gradually disappeared. By the 6th century, the linear layout of the burials on the Abramovo burial ground had been replaced by the group one, which attests to the social changes in the life of the Mordovians characteristic of the period.

Key words: archaeology, the Middle Volga region, the Early Middle Ages, the ancient Mordovian population, the Abramovo burial ground site, funeral rite, grave goods, inhumations and cremations.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda. Arkheologicheskii sbornik (From the Ancient and Medieval History of the Mordvinian People: Archaeological Collected Papers)* II. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 13–54 (in Russian).
2. Nikolaenko, T. D. (text and compilation); Kashkin, A. V. (ed.). 2004. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Oblast)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Belotserkovskaya, I. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 93. Moscow, 20–28 (in Russian).
4. Bukina, O. V. 1997. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Voprosy khronologii). (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD: Issues of Chronology)*. Samara, 12–15 (in Russian).
5. Vikhliaev, V. I. 1977. *Drevniya mordva Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Mordva People in the Sura and Moksha Rivers Area)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I. 2000. In Mosin, M. V. (ed.-in-chief). *Finno-ugorskii mir: istoriya i sovremennost' (Finno-Ugric World: History and Contemporaneity)*. Saransk: Mordovian State University, 48–50 (in Russian).
7. Vorontsov, A. M. 2008. *Etnokul'turnaya situatsiya na Oksko-Donskom vodorazdele v pozdnerimskoe vremia (Ethnic and Cultural Situation on the Oka and Don Watershed in the Late Roman Time)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
8. Efimenko, P. P. 1975. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute)* 48. Saransk (in Russian).

9. Zhiganov, M. F. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda. Arkheologicheskii sbornik (From the Ancient and Medieval History of the Mordvinian People: Archaeological Collected Papers)* II. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 55–88 (in Russian).
10. Zhiganov, M. F. 1976. *Pamiat'vekov: Izuchenie arkheologicheskikh pamiatnikov mordovskogo naroda za gody Sovetskoj vlasti (Memory of Ages: Studying Archaeological Sites of the Mordvinian People under Soviet Rule)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Zhiganov, M. F. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 218–227 (in Russian).
12. Zeleneev, Yu. A., Shitov, V. N. 1979. In *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy pervogo tysiacheletia nashei ery (Archaeological Sites of the Mordva People in I Millennium AD)*. Saransk, 134–140 (in Russian).
13. Zeleneev, Yu. A. 1987. In *Etnicheskie i sotsial'nye protsessy u finno-ugrov Povolzh'ia (Ethnic and Social Processes with Finno-Ugric Peoples in the Volga Basin)*. Yoshkar-Ola, 90–116 (in Russian).
14. Kravchenko, T. A. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoj zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126–130 (in Russian).
15. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletia (Arzamas Mordvians in the I — Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).
17. Okhotina, T. N. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)*. Penza, 48–55 (in Russian).
18. Rumiantseva, O. S. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 246–275 (in Russian).
19. Sviatkin, S. V., Chadin, R. M. 2003. In *Arkheologiya Vostochnoevropejskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza, 330–339 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Penza Oblast, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru